

КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕИ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

А. Д. Шмелев

Московский государственный лингвистический университет (г. Москва)

В статье рассматриваются основные идеи русской языковой картины мира

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, концепт

У статті розглянуто основні ідеї російської мовної картини світу

Ключові слова: лінгвокультурологія, мовна картина світу, концепт

The paper deals with key ideas of Russian linguistic model of the world. An attempt is made to reveal a network of language-specific values and attitudes, embodied in words, derivational patterns, grammatical constructions, common conversational routines.

Key words: linguoculturology, linguistic model of the world, concept

Русский язык, как и любой другой естественный язык, отражает определенный способ восприятия мира. Владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений русского языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими по-русски.

При этом существенно, что представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде. Пользуясь словами, содержащими неявные, «фоновые» смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Напротив того, смысловые компоненты, которые входят в значение слов и выражений в форме непосредственных утверждений и составляют их смысловое ядро, могут быть (и нередко бывают) осознанно оспорены носителями языка. Поэтому они не входят в языковую картину мира, общую для всех говорящих на данном языке.

Поскольку конфигурации идей, заключенные в значении слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь. Но при сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения между ними, причем иногда весьма нетривиальные.

Так, носителям русского языка кажется очевидным, что в психической жизни человека можно выделить интеллектуальную и эмоциональную сферу, причем интеллектуальная жизнь связана с *головой*, а эмоциональная – с *сердцем*. Мы говорим, что у кого-то *светлая голова* или *доброе сердце*; думаем и запоминаем *головой* (так, внезапно вспомнив что-то, можем стукнуть себя по лбу), а *чувствуем сердцем* и, переволновавшись, хватаемся именно за *сердце*. Нам кажется, что иначе и быть не может, и мы с удивлением узнаем, что эта картина вовсе не универсальна. Разумеется, это связано не с особенностями анатомии носителей различных языков, а с тем, что концептуализация мира в различных языках оказывается различной.

Особый интерес представляют те конфигурации смыслов, которые повторяются в качестве фоновых в целом ряде языковых единиц. Анализ русской лексики позволяет выявить целый ряд мотивов, устойчиво повторяющихся в значении многих русских лексических единиц и фразеологизмов, и многие из таких «сквозных мотивов» представляются особенно характерными именно для русской языковой картины мира. Так, в основе целого ряда семантических противопоставлений лежит оппозиция «горнего» и «дольнего», причем излишнее внимание к «дольнему», к *быту*, к *мелочам жизни* никак не одобряется. О том, что с точки зрения русской языковой картины мира хорошо, когда человек бескорыстен и даже нерасчетлив, свидетельствует, в частности, положительная окрашенность слов *широта* и *размах* и резко отрицательная оценка *мелочности*. С точки зрения представлений, закодированных в неявных смыслах русских лексических единиц и словообразовательных моделей, чтобы сделать что-то, бывает необходимо предварительно мобилизовать внутренние ресурсы (*собраться*), а это нелегко. В то же время, если человеку удалось приступить к активной деятельности, он *заодно* может сделать очень многое.

Поскольку показателями для языковой картины мира являются неявные смыслы, их обнаружение, как правило, требует детального семантического анализа. Иногда делаются поверхностные или неточные суждения об особенностях русской языковой картины мира, вроде следующих. «Русским свойственна ленивая беспечность, что находит отражение в одном из самых характерных русских слов – слове *авось*». «Тот факт, что для русского синтаксиса характерны безличные предложения, свидетельствует о том, что для русских свойственно представление о некоей фатальной непостижимой силе, которой нет названия». «Частотность слова *судьба* в русской речи говорит о фатализме русских». Такие суждения дают упрощенное или прямо неверное представление о специфике концептуализации мира, задаваемой русским языком.

Более того, нередко суждения такого рода противоречат одно другому. Так, положительно окрашенное слово *задушевность* иногда рассматривается как свидетельство склонности русских к неформальному

общению, когда они готовы поведать друг другу свои сокровенные мысли и чувства. С другой стороны, можно было бы полагать, что отрицательно оцениваемое действие *лезть в душу* говорит о неприятии навязчивой фамильярности и демонстрирует представление о неприкосновенности личной сферы. Установке на *авось* как будто противоречит желание застраховаться от любых возможных неожиданностей, лежащее в основе таких выражений, как *на всякий случай, мало ли что, а вдруг*. *Простор* в русской языковой картине мира может противопоставляться как тесноте, так и уюту; в одном случае большие пространства (когда ничто не давит, не стесняет) представляются как большая ценность, в другом ассоциируются с опасностями и дискомфортом. С одной стороны, многие авторы подчеркивают подозрительное отношение русских к *компромиссу* и высокую оценку *бескомпромиссности*; с другой – целый ряд русских лексических единиц и синтаксических конструкций выражает установку на примирение с действительностью.

Однако подробный анализ семантики русских языковых выражений в их реальном функционировании позволяет уточнить формулировку ключевых идей русской языковой картины мира. Так, русские безличные конструкции как таковые вовсе не обязательно несут представление о стихийной, фатальной и непостижимой силе. Но в семантику некоторых русских конструкций (не только безличных) входит представление, согласно которому то, что произошло с человеком, хотя бы и выглядело как его собственное действие, случилось как бы само собою, помимо его воли, так что конечный результат от него не зависел. Это представление может быть причислено к числу сквозных мотивов русской языковой картины мира. Ср. диалог: *Зачем ты это сделал? – Не знаю, так вышло*.

Точно так же, хотя в большинстве употреблений слова *судьба* в современной русской живой речи нельзя усмотреть ни мистики, ни фатализма, ни пассивности, слово *судьба* не случайно оказывается одним из самых характерных слов русского языка. Оно соединяет в себе две ключевые идеи русской языковой картины мира: идею непредсказуемости будущего и представление, согласно которому человек не контролирует происходящие с ним события. Только эти идеи присутствуют в понятии *судьбы* не одновременно, а сменяют друг друга, когда *решается судьба*. Пока *судьба* еще не *решилась*, будущее остается непредсказуемым, а человек может *изменить* свою *судьбу* и вообще может выступать как *творец* своей *судьбы*. Но как только *судьба решилась*, человек уже не властен над ходом событий, которые зато уже могут быть с той или иной степенью полноты предсказаны. Кроме того, представление о *судьбе* дает удобный способ примириться с непредсказуемостью жизни, с тем, что не все в ней зависит от человека, и с тем, что в ней может происходить то, чего мы вовсе не хотели бы. Ср. такие сентенции: *Такая уж у меня судьба; Не судьба была встретиться; Значит, не судьба*. Они представляют собою формулы «примирения с действительностью», столь характерные для русской речи.

Случаи, когда сквозные мотивы языковой картины мира кажутся противоречащими друг другу, относятся к одному из следующих двух типов.

Во-первых, противоречие может оказаться мнимым: более точная формулировка неявных смыслов, содержащихся в значении русских языковых выражений, показывает, что они отражают разные стороны одного и того же взгляда на предмет. Так, *широта* взглядов рассматривается в русской языковой картине мира как превосходное качество, когда она вытекает из способности человека не придавать значения «мелким» идеологическим различиям. Тогда она противостоит *мелочности*. Но она превращается в «подлость», если человек *широких взглядов* вообще не желает видеть различие между добром и злом, склонен к *попустительству*, к тому, чтобы *потакать* чужим или собственным порокам, – особенно если он руководствуется *мелкими*, корыстными соображениями. «Примирение с действительностью», основанное на *наплеватьстве*, ценно тем, что оно предполагает готовность отказаться от мелких выгод. Если же «примирение с действительностью» основано на *компромиссе*, оно подозрительно уже тем, что мотивируется взаимной выгодой. Таким образом, во всех случаях ключевым оказывается неприятие *мелочности* и корысти.

С точки зрения русской языковой картины мира человеку нужно много места, чтобы чувствовать себя спокойно и хорошо, – отсюда положительная эмоциональная окрашенность *дали, шири, приволья, раздолья*. В то же время необжитое пространство может приводить к душевному дискомфорту – ср. такие выражения, как *маяться, не находить себе места*. Поэтому *простор* вовсе не противоречит уюту: вдали от городской суеты можно наслаждаться *простором* и жить в уютных помещениях. И в том, и в другом случае ключевым оказывается тяга к *покою*.

Противоположность установок, выраженных в слове *авось*, с одной стороны, и в выражениях *на всякий случай, мало ли что* – с другой – также относительна; в некотором отношении они представляют собою как бы разные стороны одной медали. Установка на беспечность, выраженная в слове *авось*, вытекает из того соображения, что, поскольку всего все равно не предусмотреть, нет никакого смысла в том, чтобы пытаться защититься от возможных неприятностей; лучше, не суетясь попусту, просто надеяться на благоприятный исход событий. Сталкиваясь с необходимостью действовать, носитель такой установки часто действует наобум, наугад, надеясь на то, что «авось» из этого само собою выйдет что-нибудь хорошее. Но, желая чувствовать себя в большей безопасности, он может *на всякий случай* предпринимать меры предосторожности, которые никак не диктуются трезвым расчетом и ориентированы на то, что произойти может все что угодно. Тем самым, он фактически надеется на то, что *авось* эти меры окажутся полезными, т. е. опять-таки недалеко уходит от того, чтобы рассчитывать на «авось».

Другой случай, когда сквозные мотивы языковой картины мира кажутся противоречащими друг другу, связан с существованием разных подсистем внутри одного языка. Слова *зависть* или *гордость* характеризуются совсем разными оценочными компонентами в зависимости от того, используются они в речи, ориентированной на христианские или на светские этические ценности. Слово *космополит*, нейтрально или даже положительно окрашенное в неидеологической речи, приобрело яркую отрицательную окраску в советском идеологическом языке.

Именно сквозные мотивы языковой картины мира составляют основную трудность и для перевода, и для межкультурной коммуникации. Это и понятно. Переводчик, как правило, стремится точно передать те компоненты смысла, которые находятся в фокусе внимания. Фоновых компонентов он часто вообще не замечает, а если и заметит, то нередко бывает готов ими пожертвовать. Следует иметь в виду, что, пытаясь передать их средствами другого языка, он почти неизбежно привлечет к ним внимание, переведет их из почти незаметного «фона» в фокус, а это также будет искажением исходного смыслового задания. Аналогичным образом, при общении с представителями иных культур человек, говорящий на неродном языке, стоит перед выбором: использовать модели (*conversational routines*) языка общения, обрекая свое высказывание смыслами, чуждыми исходному коммуникативному намерению, или обращать на себя внимание нестандартностью речевого поведения и излишне акцентировать смыслы, которые на родном языке оставались бы «в тени». Решение в каждом конкретном случае зависит от целого ряда параметров. Но совершенно нелишним является осознание проблемы и исследование всего того, что, не попадая в фокус высказывания, составляет сквозные мотивы дискурса на данном языке. Здесь необходимо, не ограничиваясь общими сентенциями об особенностях национальной «ментальности» или «национального характера», опираться на тщательный семантический анализ, использующий все достижения современной лингвистики.